

На правах рукописи

АРЗЮТОВ
Дмитрий Владимирович

ШОРЦЫ И СЕВЕРНЫЕ АЛТАЙЦЫ В XIX – НАЧАЛЕ XXI В.:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ И ХРИСТИАНСТВА

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
07.00.07 – этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2007

Работа выполнена в Отделе этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

кандидат исторических наук
Павлинская Лариса Романовна

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ

доктор исторических наук, профессор
Бернштам Татьяна Александровна

член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
Головнёв Андрей Владимирович

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

кафедра этнографии и антропологии
исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета

Защита состоится 16 октября 2007 г. в 16⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д.002.123.01 по присуждению учёной степени доктора исторических наук в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Автореферат разослан _____ 2007 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А.И. Терюков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Влияние русской культуры коснулось всех сторон жизни коренного населения Саяно-Алтая. Это влияние тем заметнее, что характер взаимодействия резко отличается от предыдущих эпох. Русские, в отличие от кочевников Сибири и Центральной Азии, в разные периоды времени кочевавших на территории Алтая, являлись представителями оседлой земледельческой культуры, что, безусловно, накладывало отпечаток на характер межэтнических отношений, обуславливая их постоянство. Русскоязычное население с момента своего появления выступает в сибирском этнокультурном пространстве как доминирующий (а значит, титульный) этнос, который сыграл важнейшую роль в формировании этнических образований на данной территории.

Русские являют собой не только представителей европеоидной расы в антропологическом отношении и славян – в этнолингвистическом, но и выступают как представители христианского мира. Духовная культура коренных народов Сибири к моменту появления русских базировалась на шаманизме и анимистических воззрениях на Природу и Человека. Поэтому взаимоотношения русского и местного населения характеризовались как диалог двух разностадиальных мировоззренческих систем. Опыт такого диалога и его научный анализ позволяют говорить, что взаимодействие мировых религий и традиционных верований остается одной из наиболее актуальных проблем развития современной цивилизации.

Важной причиной для написания данной работы является также значение конфессионального фактора в этноисторическом процессе. Проблема восприятия культурных традиций одного этноса другим представляется далеко не простой задачей, особенно если мы рассматриваем эту проблему в контексте длительного развития этноконфессиональных процессов при переходе от кочевого/полукочевого образа жизни на оседлый, изменяющий всю систему этнической культуры. Этот переход наиболее ярко на территории Западной Сибири можно проследить на примере Алтая, где вектор трансформации традиционной культуры от кочевий к поселениям шел с севера на юг и включал в свою орбиту тюркоязычные народы региона: шорцев, челканцев, кумандинцев, тубаларов, телеутов, алтай-кижи (или собственно алтайцев) и теленгитов. Этот вектор напрямую связан с миграционным потоком русскоязычного населения, которое начало проникать на указанную территорию уже в XVII в. Именно поэтому первыми перешедшими от полукочевого образа жизни к оседлому стали народы Шории и Северного Алтая (шорцы, челканцы, кумандинцы и тубалары). Внешним фактором трансформации духовной культуры населения стало христианство (как каноническое, шедшее от священников, так и народное). Проблема ломки традиционного мировоззрения при широких этнокультурных контактах с русским этносом еще не получила должного освещения в литературе. Однако это направление делает возможным исследование механизмов вхождения новаций в культуру этноса и объяснение взаимосвязи социально-экономических трансформаций и изменений традиционного мировоззрения на протяжении довольно длительного времени, и особенно XX – начала XXI в. как времени усложнения этноконфессионального состава населения Горной Шории и

Северного Алтая. Всё это позволяет прогнозировать характер протекания этих процессов в будущем, и как следствие определяет актуальность настоящего исследования.

В рамках данной работы все перечисленные этнические группы (шорцы, челканцы, кумандинцы, тубалары) рассматриваются как *этнокультурная общность*, проживающая в одной экологической нише (горная тайга), обладающая общими историческими судьбами и схожими культурными традициями. При этом учитываются особенности культуры перечисленных этнических групп, и отличия в истории их сложения.

Таким образом, *объектом* диссертационной работы становится история и культура шорцев и северных алтайцев как этнокультурной общности. При этом объём информации по перечисленным этническим группам распределяется неравномерно. Наиболее полно в источниках представлена информация по шорцам, меньший объём по челканцам и кумандинцам, и менее всего представлен материал по тубаларам.

Предметной областью исследования являются этноконфессиональные аспекты взаимодействия традиционных верований и христианства.

Территориально работа охватывает Тапштагольский район Кемеровской области (Горная Шория), Турачакский и Чойский районы Республики Алтай (далее – РА), Солтонский и Красногорский (бывший Старо-Бардинский) районы Алтайского края (Северный Алтай).

Хронологическими рамками диссертации являются XIX – начало XXI в. В силу того, что колонизация региона русскими началась еще в XVII в. автор посчитал необходимым начать общий анализ истории колонизации и христианизации региона с XVII в.

Исходя из объекта и предмета, территориальных и хронологических рамок исследования определяется *цель работы*, которая заключается в рассмотрении процесса христианизации коренного населения Горной Шории и Северного Алтая на протяжении XIX – XXI вв. (с необходимым хронологическим углублением до XVII в.) в аспекте изменения мировоззрения коренного населения региона.

Задачами исследования являются:

1. Рассмотрение истории колонизации и христианизации коренного населения Горной Шории и Северного Алтая;
2. Анализ изменений в традиционном мировоззрении шорцев и северных алтайцев под влиянием христианской культуры (главным образом, на примере погребального обряда как наиболее полно представленного в источниках различного времени);
3. Исследование современных (XX – начало XXI вв.) этноконфессиональных процессов в среде местного населения Горной Шории и Северного Алтая.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ. Начало изучения истории распространения христианства среди коренного населения Саяно-Алтайского нагорья было положено самими миссионерами. Наиболее ярким миссионером и исследователем Алтая был о. Василий Вербицкий, который почти с самого начала своего служения в составе Алтайской духовной миссии (с 1853 г.; далее – АДМ)

заялся изучением языка и культуры коренного населения Шории и Горного Алтая. Именно эти знания позволили ему относительно взвешенно подходить к решению одной из важнейших проблем русской колонизации Сибири – интеграции аборигенов (от англ. *aboriginal* – коренной, местный) в систему Российского государства, которая могла быть осуществима только при их христианизации. Помимо оставленных им полевых материалов, В.И. Вербицкий написал серию статей по этнографии алтайцев [1893]. В рамках предлагаемого исследования его миссионерская и научная деятельность имеет большое значение, во-первых, как источник для реконструкции традиционного мировоззрения и культуры. Во-вторых, она позволяет представить характер деятельности АДМ, особенно по таким важным для нас вопросам как организация станом Миссии, строительство церквей, развитие пашенного земледелия и т.д., что в совокупности даёт возможность многостороннего анализа процесса христианизации шорцев и северных алтайцев.

Примерно в эти же годы (50-60-е гг. XIX в.) среди алтайцев работал выдающийся отечественный тюрколог В.В. Радлов, чей труд «Из Сибири» [1889], стал первым научным описанием культуры тюрков Алтая. В.В. Радлов пытался преодолеть характерную особенность сбора материала того времени, заключающуюся только в его фиксации, пытаясь начать научный анализ. Собранный лингвистический, фольклорный и этнографический материал позволил ему не только увидеть грани традиционной культуры, но и понять насущные проблемы жизни аборигенов Алтая. Хотя христианизации он уделил очень немного внимания, но между тем именно его заметки позволяют представить миссионерские селения, отношения миссионеров с местным населением, и, что особенно важно, совместную жизнь русских и аборигенов «извне», тем самым, преодолевая односторонность оценок их этнокультурного взаимодействия, которая, тем не менее, была свойственна миссионерам. Будучи немцем по происхождению, он оказался наиболее беспристрастным исследователем Алтая.

Несколько позже активизировались научные исследования населения Южной Сибири и основную роль в этом сыграли: А.В. Адрианов [1883, 1888], Н.М. Ядринцев [1882], Г.Н. Потанин [1884], Н.Ф. Катанов [1894, 1907] и некоторые др. Всем им принадлежит заслуга комплексного исследования культуры местного населения, с учётом археологических и этнографических, лингвистических и фольклорных данных. Но они «игнорировали» тему христианизации (в этнокультурном контексте), отдавая предпочтение фиксации «традиционного в культуре». Если всё-таки они и обращались к указанной теме, то рассматривалась она как часть колониальной политики (областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин) и, как правило, с негативным оттенком.

К началу XX в. относятся работы алтайского краеведа А.В. Анохина. Своё основное внимание он сосредоточил на исследовании духовной культуры коренного населения Саяно-Алтая. Им был собран богатейший материал по алтайскому (в широком смысле слова) шаманству [1924, 1929]. Тема влияния христианства получила очень незначительное отражение в его работах. Мне известна только одна работа А.В. Анохина, посвященная проблеме вхождения православных новаций в культуру алтайцев, которая хранится в Архиве МАЭ РАН

[Ф.11. Оп.1. Ед.хр.71]. В ней А.В. Анохин ограничивается констатацией фактов православной культуры, «прижившихся» в мировоззрении алтайцев (особенно северных), а также приводит несколько бесед с крещёнными и некрещёнными алтайцами относительно их отношения к православию и православным священникам. Безусловно, что эта работа стала ценнейшим источником для настоящего исследования.

С середины 1920-х гг. наступил новый этап в этнографическом изучении как Сибири в целом, так и Шории и Алтая, в частности. Были организованы две масштабные экспедиции: Алтайская этнографическая экспедиция (руководитель С.И. Руденко; состав: А.Н. Самойлович, Л.Э. Каруновская, М.Н. Комарова, Л.П. Потапов, А.Г. Данилин) и Горно-Шорская экспедиция под руководством Л.Я Штернберга (состав: Н.П. Дыренкова, И.Д. Старынкевич (Хлопина) и Л.П. Потапов). Результатом работы стали выпущенные в довоенный период монографии и статьи участников экспедиций [*Дыренкова* 1927, 1929, 1940; *Потапов* 1935, 1936 и др.].

Исследования первой половины XX в. были представлены фактически теми же учеными, которые начали свой творческий путь в экспедициях на Алтай в 20-е гг. XX в. Наиболее значимыми фигурами там были Н.П. Дыренкова и Л.П. Потапов. Именно им предстояло исследовать сложнейшие проблемы истории и этнического состава местного населения (Л.П. Потапов), собрать уникальный фольклорный и этнографический материал (Н.П. Дыренкова), а также первыми начать осмысление алтайского шаманизма как религиозного феномена на всем сибирском и центрально-азиатском историко-культурном пространстве.

В послевоенный период, исследования отдельных вопросов этнической истории населения региона, проблем русской колонизации и некоторых вопросов духовной культуры шорцев и северных алтайцев был проделан Л.П. Потаповым, З.Я. Бояршиновой, Б.О. Долгих, Н.Ф. Емельяновым и некоторыми др. В большинстве работ, которые в той или иной степени затрагивали вопросы прозелитической деятельности РПЦ, речь шла о негативном воздействии царского режима на коренное население, а Церковь в этом процессе оказывалась её наиболее активным проводником.

Исследователи второй половины XX в. занялись изучением исторических судеб и культуры отдельных коренных народов Алтая. Первой наиболее крупной работой в этом ключе стала работа Л.П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» [втор.изд. 1953], её продолжили книги Ф.А. Сатлаева [1974], В.М. Кимеева [1989], Д.А. Функа [1993], статьи Е.П. Батяновой [1990, 1994 и др.]. В этих работах проблема влияния христианства на культуру коренного населения Саяно-Алтая получила очень незначительное отражение. Вместе с этим работы Л.П. Потапова и Ф.А. Сатлаева несли определённый идеологический оттенок, согласно которому Церковь была проводником «хищнической политики» Российской Империи. Именно поэтому основное внимание исследователи уделяли вопросам земельной политики, проводимой АДМ.

Впервые к исследованию вопросов христианизации и, шире, влиянию мировых религий на традиционную культуру народов Сибири и Дальнего Востока подошли авторы известного сборника «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири» [1979]. А ответственный редактор сборника И.С. Вдовин

несколько раньше выделил типы религиозного синкретизма [1976], отталкиваясь от этнокультурного развития народов с учетом стадильной теории: 1) первобытный (характеризующийся целостностью/нерасчленённостью первобытного разума), 2) центрально-азиатские влияния (буддизм и ламаизм), 3) христианские влияния. Эта схема разделяется учёными и до сих пор [Владыкин 1990: 35; Тульцева 1993: 193; Религиоведение 2006: 984 и др.]. Учитывая современные этнические процессы, было предложено включение четвёртого и пятого типов синкретизма – влияние атеизма и новых религиозных течений [Полосин 2002: 473].

Продолжателем этого направления стал А.М. Сагалаев. Создавая крупномасштабное исследование традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири, он пишет серию статей, на тему этнографического анализа христианизации [1984b, 1986, 1987]. В основу его работ был положен системный подход к исследованию культуры, высказанный Ю.И. Мкртумяном и С.А. Арутюновым. В рамках данного подхода А.М. Сагалаев рассматривал христианизацию как процесс, приведший к изменению всех подсистем культуры, что, как следствие, привело к внутренней перестройке этнических организмов. Такой подход, стал новаторским и позволил найти «ключ» к некоторым вопросам этнокультурного взаимодействия аборигенов и русских в Сибири. Интересными стали и исследования Т.В. Жеребиной о «якутском православии», в которых был сделан анализ феномена христианизации якутского мировоззрения [1989, 2000]. В её работах православные новации даны как часть системы мировоззрения, находящейся в постоянной динамике.

Вместе с тем появился ряд работ по истории христианизации коренного населения Сибири [Кононенко 1972; Бородавкин Храпова 1992; Кислицын 1992; Ерошов Кимеев 1995; Кацуба 1998; Главацкая 1999a, 1999b; 2005a, b и др.; Мавлютова 2001; Асочакова 2006; Колоткин 2006; Софронов 2006, 2007 и многие др.]. Эти исследования затрагивали такие стороны христианизации как история распространения православия, методика христианизации и земельная политика. Исходя, из этого огромного исследовательского опыта автор настоящего диссертационного исследования положил в основу анализа истории христианизации методологический подход Е.М. Главацкой [2005a], которая провела анализ религиозных изменений хантов. Ею был разработан подход, учитывающий взаимосвязь колонизации и христианизации, отталкиваясь от роли государства, церкви и этнокультурных стереотипов контактирующих этносов. Дополнением к такому подходу стал исследовательский опыт В.В. Ерошова и В.М. Кимеева [1995], определивших необходимость анализа локальных вариантов христианизации как многоуровневого этнокультурного взаимодействия.

Тема мировоззрения давалась в большинстве этих работ не развернуто, а очень конкретно. Так, например, некоторые универсальные мифологические сюжеты, присутствующие у многих народов мира, в том числе и в Библии (в книге Бытия) приписывались влиянию православия. Исходя из этого, становилось понятно, что необходим анализ именно мировоззрения, выявления причин и механизмов заимствования из русской культуры. К сожалению, до настоящего времени это направление так и осталось не достаточно разработанным, хотя материал по многим вопросам в той или иной степени «лежит на поверхности». Так, требует анализа погребальный обряд, именно с позиций влияния

православия. Причина в том, что, будучи наиболее полно представленным в источниках, погребальный обряд даёт возможность детального анализа. Предварительно можно сказать, что на примере погребальной обрядности христианские мотивы выявляются у значительного числа сибирских народов. Многие исследователи [Дьяконова 1980; Кимеев 1981 и др.] уделили своё внимание анализу именно погребальных комплексов, что позволяет считать погребальный обряд наиболее доказательной сферой для анализа влияния православия, в отличие от всех прочих обрядов жизненного цикла.

На рубеже веков среди исследователей пробудился особый интерес к проблемам этнической психологии, и тема этноконфессиональных взаимодействий на Алтае получила новое развитие через эту призму в работах Н.А. Тадиной, которая, описывая собирательный образ «крещёного алтайца», приходит к мысли, что степень христианизации явилась одним из важнейших факторов в разделении на северных и южных алтайцев [1994, 2006b и др.].

Наиболее крупной работой по теме христианизации народов Алтая стала работа А. Знаменского [Znamenski 1999]. Автор провёл блестящий анализ источников, обобщив огромный корпус миссионерских отчетов и записок, привлекая помимо этого и архивные источники. Справедливым представляется сравнительный анализ двух моделей христианизации: Аляски и Алтая. Но вместе с тем, предлагаемая тема исследования далеко не исчерпана. Хотя автор и выстроил канву исторического процесса христианизации алтайцев, к сожалению, он не включил в него такие важные аспекты как первые попытки христианизации населения в XVII – XVIII вв., выявление локальных зон взаимодействия, и что самое важное, анализ изменений мировоззрения.

Несколько поодаль от научных изысканий и скорее, представляя источниковую группу, стоят публикации современных миссионеров. Это работы о.Бориса (Пивоварова) [1997, 1999] и о.Игоря (Кропачева) [2004], в которых авторы рассматривают вопросы методики христианизации и нравственного (в христианском смысле) состояния традиционного сообщества Шории и Горного Алтая.

Проблемы современных трансформаций мировоззрения у шорцев и северных алтайцев специально не исследовались. Основной корпус работ затрагивает историю возникновения религиозных организаций, не принадлежащих Русской Православно Церкви (далее – РПЦ). При этом авторами делался анализ этнической ситуации (половозрастной, социальной, образовательный состав общин) [Бурнаков 2004; Шиллер 2004a]. В целом общий анализ современной конфессиональной ситуации по многим народам Сибири сделала В.И. Харитонова, которая выявила закономерности развития этноконфессиональных процессов [2002, 2003, 2006], отдавая, однако предпочтение теме «возрождения» шаманизма.

Таким образом, можно заключить, что состояние современной научной мысли в отношении вопросов взаимодействия традиционных верований и христианства на территории Сибири находится на начальной стадии своего развития. Причем, это касается не только тем христианизации сибирских народов, но и их исламизации [Селезнев Селезнева 2004: 4-5], т.е. фактически взаимодействия мировых религий и традиционных верований на сибирском этнокультурном

пространстве. Научные исследования затрагивают, главным образом только сферу истории распространения христианства. Нет крупных работ по проблеме трансформации традиционных верований, которые, без сомнения, происходили почти за четырехсотлетний период общения с русскими. Именно поэтому необходим комплексный анализ взаимоотношения на конфессиональном уровне русского и местного населения.

По этой причине, для анализа этнокультурных изменений автор использовал работы по русскому народному православию. Это в первую очередь работы Т.А. Бернштам [1989, 1990; 1993], которая четко сформулировала ключевые вопросы взаимодействия христианства и «языческих» верований. Ею была предложена классификация религиозных изменений и пути их проникновения, отталкиваясь от роли церкви и государства, с одной стороны, и народных масс, с другой.

Источники исследования. Источники настоящего исследования сгруппированы в несколько блоков, исходя из происхождения и хронологии документов.

Ранние русские исторические документы. Первым серьёзным источником являются сибирские летописи [*Бузуновский летописец* 1991; *Румянцевский летописец* 1991; *Хронографическая повесть* 1991], которые помимо истории продвижения русского населения вглубь Сибири дают еще и ценную информацию о строительстве церквей и собственно христианизации. Летописи как ранние исторические документы рассматривали колонизационный процесс как продолжение идеи распространения «веры Христовой», возложенной на плечи русских. Эта письменная традиция во многом определила первые шаги отечественной историографии покорения Сибири (Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер и др.).

Фольклорные и лингвистические (словари) материалы используются для характеристики трансформации традиционного мировоззрения. Эта группа источников [*Дыренкова* 1940; *Чудояков* 1995; *Функ* 1999, 2002, 2004; *Кандаракова* 2005; *Баскаков* *Тоцакова* 2005 и др.] позволяет выявить «традиционный» пласт дохристианских верований, что крайне важно для анализа, например, погребального ритуала, который претерпел изменения за период с момента начала русской колонизации, восприняв многие православные элементы.

Археологические материалы представлены опубликованными материалами Ю.В. Ширина по раскопкам поселения Ильинка-5 и Кузнецкого острога (XVII в.) [*Ширин* 1992 и др.].

Эта группа источников, к сожалению, пока слишком мала, однако, отдельные моменты межкультурного диалога на основе, пусть даже отрывочных, археологических материалов можно проследить довольно отчетливо. Во-первых, археологический материал, нам необходим для анализа погребального обряда в ранний период проникновения русских в Сибирь. Во-вторых, на основе археологического материала мы можем проследить некоторые «трудноуловимые» черты этнокультурного взаимодействия коренного населения и русских: брачные связи (увеличение европеоидного компонента в антропологических признаках коренного населения), комплекс материальной культуры и др.

Исторические акты. Для XVII в. единственными письменными источникам для характеристики взаимоотношений русского и аборигенного населения и

начального этапа описания истории христианизации выступают документы (отписки, грамоты и т.д.), оставленные сибирскими воеводами и служилыми людьми [см. приложения в работах: *Миллер* 1999, 2000, 2005; а также: *Кузнецкие акты* 2000]. К сожалению, в актовом источнике сведений о межконфессиональных отношениях на территории Саяно-Алтайского нагорья очень немного. Это определяется сложным характером колонизации региона: военные столкновения, данническая зависимость коренного населения и др. Вместе с этим этот корпус источников проливает свет на проблему расселения аборигенов и особенности ранней колонизации региона.

Картографические источники. Эта группа источников очень небольшая и представлена она картами С.У. Ремезова [1882] и современными картографическими данными, а также отдельными картами, опубликованными исследователями XX – начала XXI в. (Б.О. Долгих [1960], Л.П. Потапов [1936, 1953], В.М. Кимеев [1989] и др.). Фактически, картографический материал (ареалы расселения, местоположения острогов и городов, сёл и деревень) позволяет выявить круги межэтнической активности, где происходили наиболее плотные этноконфессиональные отношения и складывание этнических образований.

Экспедиционные материалы XVIII в. Труды и полевые записи участников первых научных экспедиций в Сибирь: Г.Ф. Миллера [*Миллер* 1999; 2000; 2005; *Элерт* 1987 и др.], И.Г. Георги [1776], И.Г. Гмелина [*Гмелин* 1994; *Белковец* 1980] и др. позволили довольно широко взглянуть на быт и культуру местного населения, дав описания погребального обряда, шаманских практик, христианизации и отношения к христианству со стороны местного населения.

Отчёты и записки миссионеров XIX – начала XX в. При изучении истории христианизации в XIX в. привлекались записки и обобщающие труды по этнографии алтайских миссионеров. Этот корпус источников оказался наиболее важен для настоящей работы, в силу своей «разноплановости». Здесь были как прямые свидетельства христианизации, так и её оценки, как самими миссионерами, так и аборигенами. Вместе с этим, большинство отчетов АДМ дают превосходный статистический материал по количеству обращённых в православие. В настоящей работе привлекались записки следующих миссионеров: М. Глухарева [1893а, б, с, d, e, f, g], В.И. Вербицкого [1861а, б; 1864, 1874, 1893], Д. Коновалова [1863, 1865, 1866, 1867], В. Постникова [1893, 1898а, б, с], Т. Каншина [1898а, б] и др., а также отчёты АДМ [1875, 1880а, б, с; 1888, 1890, 1894, 1915].

Экспедиционные материалы и публикации этнографов и путешественников XIX – XXI вв. представляют огромный интерес для исследователя, поскольку в них зафиксирован пласт культуры, которая в настоящее время находится на грани исчезновения. Автором были использованы архивные полевые материалы А.В. Анохина [ПФА РАН, Ф.148, Оп.1; АМАЭ РАН, Ф.11], С.Е. Малова [ПФА РАН, Ф.1079], С.Д. Майнагашева [ПФА РАН, Ф.148, Оп.1], Н.П. Дыренковой [АМАЭ РАН, Ф.3], а также корпус опубликованных материалов, как перечисленных авторов, так и В.В. Радлова [1989], Г.Н. Потанина [1883, 1884], А.В. Адрианова [1883, 1888], Н.Ф. Катанова [1894, 1907], Л.П. Потапова [1934, 1935, 1936, 1946а, 1948, 1949, 1953 и др.], Л.Э. Каруновской [1927], А.Г. Данилина [1993], В.М. Кимеева [1981; 1989, *Кимеев Функ* 1989 и др.], Д.А. Функа [1996, 1999, 2000а, 2004 и др.] и др. Перечисленные источники фактически

открыли мир культуры тюрков Шории и Северного Алтая и дали возможность всестороннего анализа, в том числе и выделения в мировоззрении «русского» следа.

Материалы Кемеровской и Новокузнецкой епархии РПЦ (начало XXI в.). Были привлечены годовые отчёты Кемеровской и Новокузнецкой епархии (хранятся в архиве епархии и опубликованы в Интернете) и решения Архиерейского собора РПЦ. Основное внимание автора было сосредоточено на отчётах приходов, которые содержат ценные сведения по развитию современной миссионерской деятельности, её направлениям и географической локализации.

Современные статистические данные и действующие законодательные акты. Эта группа источников включает в себя результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. и статистические данные шорских и северо-алтайских поселков. Этот корпус источников позволил увидеть состояние социального развития на макро- (Алтай, Горная Шория) и микроуровне (конкретные поселки и семьи), что оказалось крайне важным для анализа тенденций этноконфессионального развития.

Небольшую по численности группу источников составили законодательные акты Кемеровской области по этническим и конфессиональным проблемам.

Современная периодическая печать. Современная периодическая печать представлена небольшим числом публикаций на тему этноконфессиональных процессов в Горной Шории и на Северном Алтае в областных, краевых и районных газетах.

Полевые археологические и этнографические материалы из личных архивов представлены полевыми записями этнографа, доцента Кемеровского госуниверситета В.М. Кимеева. Этот корпус сведений хранится в его личном архиве и практически не публиковался. Мной из этого собрания был привлечён материал по погребальной обрядности, относящийся к 1970-80-м гг. Вторым личным архивом, которым удалось воспользоваться стал архив археолога, сотрудника Института истории материальной культуры РАН Э.Б. Вадецкой, в котором находится картотека позднесредневековых погребений Хакасии и Северной Шории, раскопанных в 1940-е гг. А.Н. Липским и В.П. Алексеевым.

Визуально-антропологические источники составили особую группу источников. Представлена эта группа фотографиями и рисунками как самих миссионеров, так и этнографов и путешественников, которые работали в XIX – XXI в. в местах проживания шорцев и северных алтайцев. Сюжетами отобранных иллюстраций стали: 1) виды сёл, которые показывают ландшафт изучаемой местности и место в нем церковных строений; 2) обряд крещения; 3) внутреннее убранство жилища (юрты или избы), где видны места расположения икон и домашних «пенатов»; 4) погребальная обрядность (XX – начало XXI в.); 5) современная миссионерская деятельность представителей РПЦ и других конфессий. Помимо этого были привлечены фотографии и рисунки самих миссионеров. Визуально-антропологические источники представлены в основном архивными [АГКМ; МАЭ; НМ РА; ЛАК], не публиковавшимися ранее снимками и рисунками, а также полевыми фотоснимками автора.

Полевые материалы автора. Автором было проведено несколько экспедиций к шорцам и челканцам. В 2003-04 гг. четыре экспедиции (зима и лето

каждого года) было проведено в Горную Шорию, в пос. Усть-Анзас, Верх-Анзас, Дальний и Ближний Кезеки. В ходе этих полевых исследований собирался также материал по г. Таштагол и пос. Шерегеш. Летом 2005 г. была проведена экспедиция к челканцам в пос. Турачак, Бийка, Курмач-Байгол и Суранаш. Частично был обследован также г. Горно-Алтайск (2005 – 2006 гг.). Собранный материал представлен полевыми дневниками (записи бесед с информантами, зарисовки, личные наблюдения), фотографиями, копиями похозяйственных книг. Небольшую группу источников составили также письма, жителей пос. Бийка, а также этнографов В.М. Кимеева и Н.А. Тадиной к автору.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ. *Методика научного анализа.* При работе с письменными источниками XVII – XXI вв. использовались следующие методы: сравнительно-исторический, историко-типологический, системный, и структурно-функциональный, что в комплексе дало возможность выделить структурно значимые элементы отдельных этнокультурных явлений, проследить эволюцию последних на протяжении данного отрезка времени и определить генетические истоки.

Методика полевых исследований. В рамках проведенных экспедиционных поездок к шорцам (2003–2004) и челканцам (2005-2006) автор использовал несколько основных этнографических методов. Во-первых, метод непосредственного этнографического наблюдения. Во-вторых, беседы, а также был применен этносоциологический анализ похозяйственных книг. Подобная иерархия методических приемов обусловлена темой выбранного исследования. Из опыта полевой работы, становилось понятно, что конфессиональные проблемы и вопросы межкультурного диалога с русским населением трудно поддаются каким-либо количественным исследованиям, поскольку за каждым действием индивида стоит эмоционально-поведенческий аспект, определяемый, главным образом, социальными факторами и этнической принадлежностью. Изучение культуры, безусловно, потребовало использования метода «вживания в культуру», попытки взгляда на неё изнутри, что позволило частично открыть новые возможности для понимания функционирования центральных и периферийных её элементов, механизмов и трансформации.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА. В диссертации впервые:

- христианизация рассматривается как один из признаков в оформлении этнического самосознания у охотников и собирателей горной тайги Алтая;
- исследуются этноконфессиональные процессы у коренного населения Шории и Северного Алтая на протяжении XVII – начала XXI вв.;
- на алтайском материале «выстраивается» схема вхождения новаций в культуру этноса на примере процесса усвоения православных новаций;
- раскрывается сложный механизм трансформации погребальной обрядности шорцев и северных алтайцев под влиянием православия;
- выдвигается тезис о трех основных действующих этноконфессиональных силах, в той или иной степени

контролируемых государством на территории Горной Шории и Северного Алтая: РПЦ, шаманизм, «возрождаемый» интеллигенцией и религиозные организации не относящиеся к РПЦ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ. Диссертационная работа ориентирована в первую очередь на специалистов-этнографов (этнологов) и социокультурных антропологов, чьи интересы в той или иной степени связаны с проблемами сибиреведения. Автор надеется, что настоящая работа будет также интересна представителям РПЦ и национальной интеллигенции и рассчитывает на помощь настоящего исследования при разработке и принятии административно-политических решений в кемеровском и алтайском регионах.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основные положения диссертации были обсуждены автором на международных (VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 2005) и региональных («Традиционные культуры и общества Северной Азии: с древнейших времен до современности», Кемерово, 2004; «Радловские чтения», Санкт-Петербург, 2006, 2007), всероссийских («Современные направления этнологических/этнографических исследований и проблемы этнологического/этнографического образования», Санкт-Петербург, 2003; VI «Сибирские чтения», Санкт-Петербург, 2004) конференциях, а также опубликованы в 10 работах (одна из которых переиздана в Интернет-журнале «Этно-журнал»). Общий объем публикаций составляет **5,28 а.л.** (без переиздания).

СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ. Диссертация состоит из Введения, трёх глав и Заключения, а также приложений (таблицы, диаграммы, карты, фотографии и рисунки), списка литературы и списка сокращений и составляет **18 а.л.**

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются актуальность темы исследования, изложены теоретико-методологические основы работы, а также даны историографический обзор и характеристика источниковой базы исследования. Обоснованы хронологические и территориальные рамки исследования, указываются научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «ИСТОРИЯ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ШОРЦЕВ И СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ» дается историко-этнографический анализ колонизации и христианизации шорцев и северных алтайцев в период с XVII по начало XX в.

Процессы колонизации и христианизации происходили асинхронно. Русская колонизация региона, начавшаяся в 1618 г. со строительством Кузнецкого острога, долгое время представляла собой непрекращающиеся военные столкновения с телеутами, енисейскими кыргызами и джунгарами, под властью которых находилось население Шории и Северного Алтая в качестве «двоedanцев». Только окончательное разрешение «джунгарской проблемы» в середине XVIII в. (падение Джунгарского ханства) вывело на первый план необходимость интеграции аборигенов в систему Российского государства, и позволило предпринимать первые шаги по его христианизации.

Начиная с 1828 г. разворачивает свою деятельность АДМ. Христианизация как стратегия освоения региона была разработана в 1830-е гг. основателем АДМ – о. Макарием Глухаревым и уже тогда определила многоуровневый механизм трансформации традиционной культуры с целью ее унификации с русской православной культурой.

Деятельность АДМ вместе с огромным числом русских старожилов и переселенцев различных волн явилась своего рода катализатором процессов этнической консолидации этнотерриториальных групп шорцев и северных алтайцев, дав возможность раскрытию этнического противопоставления «мы-они» и в то же время за счет фактически монопольного положения РПЦ в регионе и поддержке государственной власти привело к тому, что отдельные элементы христианской (православной и народно-православной) культуры становятся частью традиционной культуры аборигенов.

Процессы этнокультурной трансформации были связаны и с изменениями в социально-экономической сфере (развитие пашенного земледелия, деформация родовой организации и др.). Вместе с этим происходило и деление формирующихся этнических культур по конфессиональному признаку: крещенные и «язычники». Такое моделирование выражалось, со стороны принявших православие как в требуемых Церковью стереотипах поведения «крещеного», так и в территориальном размежевании этих двух групп (различные селения, улицы и т.д.). В конечном итоге, большинство населения Горной Шории и Северного Алтая приняло православие, что, по мнению Н.А. Тадиной, закрепило разделение на северных и южных алтайцев, которые подверглись незначительной христианизации в связи с достаточно поздней русской колонизацией этой части Алтая.

В процессе христианизации АДМ применяла значительное число методических приемов, которые можно разделить на два блока: христианизация «сверху» и христианизация «снизу» (по Т.А. Бернштам). Первый – характеризуется давлением РПЦ, которая использовала как экономические, так и социокультурные приемы: льготная система налогообложения, система образования, крещение паптыков (родовые старосты), создание общин новокрещенных и института «крестных отцов». Вместе с этим РПЦ воздействовала на мировоззрение коренного населения за счет «визуализации православия»: храмовая архитектура больших (церкви) и малых (часовни) форм поражала своими масштабами и возвышенностью на фоне небольших жилых и хозяйственных построек аборигенов. Также в этом процессе значительную роль сыграла иконопись и «новая» праздничная культура. Иконопись являлась непременным атрибутом проповеди миссионера, иногда заменяемая иллюстрациями к Священному Писанию. Что касается христианской праздничной культуры, то ее размах и торжественность очень симпатизировали коренному населению, которое, согласно запискам миссионеров, стекалось с разных уголков региона на престольные праздники в миссионерские станы.

Второй блок был связан с бытовым взаимодействием русских и аборигенов и заключался в передаче, главным образом, народно-православных традиций. Он представлял собой три уровня взаимодействия: межэтнические браки, община и поселение. Браки между русскими и северными алтайцами и шорцами, стали

заклучаться фактически с первых лет колонизации региона. Особенностью этих браков было то, что в большинстве из них женой являлась аборигенка, а в такой ситуации для заключения брака она обязана была принять православие. Уже с началом деятельности АДМ, когда влияние церкви и миссионеров будет иметь регулярный характер, происходит создание новой среды взаимодействия: общины новокрещенных и поселения. И в первом, и во втором случае регулятором этих отношений выступал миссионер с группой лиц: крещенными паптыками, главами общин и «крестными отцами». Всё это явилось основой христианизации шорцев и северных алтайцев, повлекшей за собой важные изменения в их традиционной культуре.

Во второй главе «МИРОВОЗЗРЕНИЕ ШОРЦЕВ И СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ: ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНСТВА» проводится анализ процесса вхождения православных новаций в культуру этноса (шорцы и северные алтайцы). Наиболее полно этот процесс стало возможным исследовать на примере погребальной обрядности, где вполне отчетливо виден «русско-православный след».

К приходу русскоязычного населения на территорию Горной Шории и Северного Алтая существовало четыре основных типа погребения: «воздушное», кремация (точно известно о его существовании только у кумандинцев, у остальных групп – как предположение), наземное и ингумация. Благодаря описанной системе взаимодействия с русскими и главным образом, за счет канонических представлений о погребальном обряде из всех перечисленных типов погребения остается только ингумация. На основании того, что ингумацию мы вправе рассматривать как традиционный тип погребения, процесс установления её как единственной формы в работе обозначен как «актуализация традиции». Что касается способов погребения, то они оказывались различными, и как во всех культурах зависели, в первую очередь, от пола, возраста и социального положения погребяемого. Ингумационные формы погребения по русскому образцу потребовали и изменения типа гроба, который от гроба-колоды перешел в дощатую форму. Кардинальным образом этот переход, конечно же, не изменил представлений о гробе как последнем жилище умершего. Но помимо гроба изменился также набор погребального инвентаря. Теперь помимо традиционного разделения наборов инвентаря по половозрастному и социальному признакам появился и такой признак как крещенный/некрещенный. Исходя из этого, крещеным полагался нательный крест, записки с молитвами и т.д. Как яркое выражение этого процесса стали надмогильные памятники (крест и столб), которые внешне показывают наличие двух субкультур. Сам процесс унификации растянулся на довольно долгий период времени, что прослеживается по такому признаку как глубина могильной ямы. Совсем недавно, в середине XX в. глубина могильной ямы стала такой же, как у русского населения, примерно 2-2,5 м.

Из-за значительной роли в погребальном обряде священников (миссионеров), наделенных особыми полномочиями и поддерживаемых государством, в мировоззрении коренного населения формируются образы, имеющие православное происхождение. Проявлением этого могут служить приметы о грядущем наступлении смерти у шорцев, среди которых появились образы священника, иконы, церкви, моления Богу.

Трансформации в мировоззрении шорцев и северных алтайцев происходили по двум основным векторам. Первый вектор был основан на принятии элементов христианской культуры местным населением на основании функционального и/или символического соответствия старых и новых образов, что облегчало усвоение новаций. Второй вектор сформировался исходя из того, что миссионеры (да и русское население) были ориентированы на изменение, в первую очередь, обрядовой сферы, глубоко не касаясь мифологических представлений местного населения. В результате унификация погребальной обрядности приводит к постепенному изменению «мифологии смерти», таким образом, оказывается, что ритуал (в данном случае, погребальный) выступает катализатором изменений в мифологических представлениях.

Что касается других сторон духовной культуры, то заимствование из русской культуры здесь шло по несколько иному пути. Появление «нового пантеона» было результатом трансформации хозяйственного комплекса шорцев и северных алтайцев. Так, в рамках восточнославянской традиции одним из наиболее популярных святых был Никола Угодник, который опекал мореплавание, земледелие, скотоводство, рыболовство. В такой ситуации появление (пусть даже примитивное) новых способов хозяйствования, в первую очередь, папшенного земледелия, требовало от носителей культуры его мифологического наполнения. Именно поэтому образ Николы (в отдельных местах еще Св. Петра, Богородицы и т.д.) вошел в культуру аборигенов и существовал там, поддерживаемый Церковью и русскими.

В третьей главе «Этноконфессиональная ситуация у шорцев и северных алтайцев в XX – начале XXI в.» дается обзор этноконфессиональной ситуации в регионе в XX в. и её современное состояние.

Изменение общественно-политической обстановки в стране в начале XX в. потребовало от власти создания новой национальной политики, направленной на развитие «отсталых народов». С этой целью начинается процесс создания национальных республик, районов и т.д. На этой волне происходит процесс этнической мобилизации шорцев, приведший в конечном итоге к образованию Горно-Шорского национального района (1926 г.) и созданию шорского литературного языка. С упразднением района (1939 г.) и мощным притоком иноэтничного населения, связанным с хозяйственным освоением региона, процесс этнической консолидации стал вялым и фактически развивался инерционно, что, в конечном счете, привело к этнической маргинализации шорцев. В отношении северных алтайцев эта ситуация выглядела несколько по-иному.

С самого начала государственная политика национального строительства на Алтае ставила своей целью создание единого народа – ойротов (а затем алтайцев). Здесь не создавалось условий для формирования этнического самосознания отдельных этнических групп, входящих в состав алтайцев. После создания Ойротской АО в 1924 г. начавшаяся административная реформа также не способствовала формированию челканцев, кумандинцев и тубаларов, поскольку из созданных 10 аймаков (районов) не было ни одного, который бы был создан по национальному признаку (с его манифестированием в названии). В таких условиях этноконсолидационные процессы в среде северных алтайцев оставались долгое время ослабленными.

Конфессиональная ситуация в регионе в силу идеологических причин также становилась все более блеклой. Уже с конца 1920-х гг. развернулись кампании против РПЦ и шаманства, приведшие, в конечном счете, к закрытию и разрушению православных храмов, распаду православных общин и к затяжному кризису шаманства, и в целом к атеизации и религиозному безразличию.

В этих условиях в первые годы существования СССР отношение к сектам было более лояльным, чем к РПЦ, поскольку большинство сект находились в оппозиции к Церкви и, как следствие, к её роли в жизни бывшей православной Империи.

Уже после Великой Отечественной войны, когда в Сибирь хлынул поток спецпереселенцев, то в большинстве своём они являлись представителями различных конфессий, которые сумели всё-таки сохраниться в годы широкомасштабной атеистической политики в государстве. Так, немцы были лютеранами, меннонитами, баптистами и католиками, а украинцы – приверженцами секты «Свидетелей Иеговы», пятидесятниками и униатами. Эта ситуация и заложила основы поликонфессионального состава современной Шории и Алтая.

Начиная с 1980-х гг. на территории Горной Шории вспыхивают «возрожденческие» процессы, инициаторами которых выступают представители национальной интеллигенции. Их главной идеей было создание национальной автономии в виде Горно-Шорского национального района, существовавшего в 1920-30-е гг. Однако даже при поддержке «возрожденческого» процесса органами государственной власти эта идея не могла быть реализована в связи с идеологией СССР, нацеленной на создание единого «советского народа». Вместе с этим власть продолжает поддерживать начатый процесс «возрождения»: создается Шорский национальный природный парк (1988 г.), национальные сельские советы, шорцы вместе с телеутами и кумандинцами получают статус малочисленных народов Севера (1993 г.). Вслед за этим «возрождение» постепенно охватывает все большее количество сторон общественно-политической и культурной жизни Горной Шории. Появляются заявления со стороны интеллигенции и Ассоциации шорского народа о необходимости сохранения и развития традиционных верований. Вначале это проявлялось только в форме национальных ансамблей («Отчагаш», «Тагдал», «Чылтыс», «Алты-Ай», «Ойун» и др.) и проведении праздников («Пайрам» и др.), на которых в театрализованной форме проводятся шаманские камлания. В настоящее время со стороны, главным образом творческой национальной интеллигенции (поэты, художники и т.д.) прослеживается негативное отношение к РПЦ и отстаивается идея о необходимости развития шаманизма.

В этой связи можно заключить, что этническая культура для национальной интеллигенции выступает как инструмент для достижения собственных экономических и социально-политических целей. При этом в городской и сельской шорской среде на основании проводимых этносоциологических опросов наблюдается индифферентное отношение к проблемам религии. В отдельных поселках отдается предпочтение строительству церкви (например, пос. Усть-Анзас). Среди большинства опрошенных наблюдается отрицательное отношение к деятельности сект.

В северо-алтайской среде процесс возрождения проступает не столь отчетливо, что связано в первую очередь с отсутствием у них за всю историю государственных образований или национальной автономии. Здесь рамках государственной идеологии алтайцы продолжают рассматриваться как все коренное население РА (до 1991 г. РА входила в состав Алтайского края на правах автономии). Но, несмотря на это, среди них сохранилось этническое самосознание, которое «возродилось» в конце XX в. С отделением РА от Алтайского края (1991 г.) в регионе начинается внутреннее размежевание коренного населения – процесс, в котором ведущую роль сыграла национальная интеллигенция. Теперь вместо официально единой для коренного населения «алтайской» идентичности РА приобрела палитру этнонимов.

Начался этот процесс с создания Ассоциации северных алтайцев (1992 г.), от которой постепенно стали отпочковываться отдельные народы: тубалары и челканцы. Официальное признание каждого из народов шло постепенно: телеуты и кумандинцы (1993 г.), теленгиты, тубалары и челканцы (2000 г.). В этих условиях РА рисковала потерять титульный этнос – алтайцев (особенно остро этот вопрос встал после отделения теленгитов как самого многочисленного народа). Поэтому последующие меры государственной власти были направлены на сохранение единого алтайского народа, в который входят, в том числе и северные алтайцы (челканцы, кумандинцы и тубалары). Но при этом им было оставлено право на выражение своей национальной принадлежности посредством создания довольно значительного числа общественных организаций и общин, которые ставят своей целью сохранение среды обитания и традиционной культуры. Что касается традиционных верований и обрядов, то они трансформировались в форму национальных ансамблей и проведения праздников («Эл Ойын», «Тюрюк Байрам» и др.).

«Возрождение» кумандинцев, в основной своей массе проживающих в Алтайском крае, является промежуточным вариантом между северо-алтайским и шорским. Здесь с одной стороны также возникали национальные сельские советы, а с другой – они были включены в Ассоциацию северных алтайцев.

Состояние РПЦ в Горной Шории и на Северном Алтае в настоящее время вряд ли можно назвать благополучным. Большинство разрушенных в начале советской эпохи храмов так и не восстановлено. Миссионерские рейды, временами совершаемые как священниками Кемеровской и Новокузнецкой епархии по Горной Шории, так и священниками Благодиннического округа Республики Алтай Барнаульской и Алтайской епархии по местам проживания северных алтайцев, а также выступления священнослужителей с программами о православии на местном телевидении и радио не могут не напоминать самые первые шаги Церкви (до создания АДМ) в регионе. Ситуация осложняется еще и скудостью финансовых средств и отсутствием инициативы со стороны священников. При этом помощь РПЦ оказывают независимые организации (Институт перевода Библии, Российское библейское общество), которые переводят Библию на местные языки, а затем максимально распространяют её среди аборигенов. Но, несмотря на эти старания положение РПЦ в регионе несравнимо хуже, чем во времена деятельности АДМ. Видимо, из-за этого огромную прозелитическую активность (причем этнически и социально

продуманную) проявляют представители сект, среди которых лидируют представители протестантского направления в христианстве: Христиане Адвентисты Седьмого Дня, неопятидесятники-харизматы, «Религиозная организация Христиан Веры Евангельской Пятидесятников «Новая жизнь»», Горно-Алтайская Христианско-Пресвитерианская церковь, и некоторые др. Дополняется этот фон рериховцами и «Свидетелями Иеговы». К настоящему времени эти организации по своему составу включают значительное число шорцев и алтайцев и ориентируются главным образом на население крупных поселков и городов. В ближайшем будущем не исключена возможность их «продвижения» в сельскую среду.

На Алтае помимо перечисленных «религиозных сил» существует буддийско-бурханистская альтернатива в форме таких организаций как «Ак Жан», местных религиозных организаций буддистов – приверженцев тибетской буддийской школы Гелугпа. Эти две религиозные традиции (буддизм и бурханизм) будучи генетически близкими, оказывают влияние на население Центрального и Южного Алтая вплоть до настоящего времени. Учитывая их историческое основание, властями в регионе был даже введен национальный алтайский праздник «Чага-Байрам» (Новый год по лунному календарю).

Учитывая такое конфессиональное состояние населения можно прогнозировать, что при сохранении настоящего паритета сил отчетливо прослеживается два варианта этноконфессионального развития: шорский и северо-алтайский. Шорский вариант заключается в борьбе между РПЦ, новыми религиозными течениями и неошаманизмом, сторонниками которого выступают представители, главным образом национальной интеллигенции. В северо-алтайском варианте эта схема усложняется еще и наличием буддийско-бурханистской альтернативы, которая пока оказывает опосредованное воздействие. Учитывая светский характер Российской Федерации, пассивность РПЦ и безуспешное возрождение отмирающей шаманской традиции, которая не в силах наполнить все многообразие техногенной цивилизации сакральным смыслом, все шансы остаются за сектами, которые пока только набирают силу. Но это только прогноз. Динамика ситуации, а значит, и действительное внутреннее содержание может быть определено только самим народом.

В Заключении подводятся основные итоги проведенного исследования. В целом, они сводятся к следующему:

1. Степень христианизации закрепила исторически и этнокультурно обоснованное деление на южных и северных алтайцев.
2. Христианизация привела к формированию субкультуры крещенных и некрещенных шорцев и северных алтайцев.
3. Деятельность АДМ способствовала этнической консолидации шорцев и северных алтайцев.
4. Влияние православия в погребальной обрядности шорцев и северных алтайцев выразилось в актуализации традиционного ингумационного типа погребения, не противоречащего христианским канонам, что и сделало его единственной формой погребения и как следствие привело к восприятию многих элементов христианства и русской культуры.

5. Механизм вхождения христианских новаций определялся функциональным и/или символическим соответствием воспринимаемого элемента культуры, существующему в традиционной культуре.
6. Заимствование более развитых форм хозяйствования от русских привело к необходимости восприятия из культуры-донора (русской) элементов религиозных представлений, наполняющих эти формы.
7. Национально-культурное строительство первых лет советской власти определило тенденции этноконсолидационных процессов, но при этом исключило из них конфессиональную составляющую, что в конечном итоге привело к атеизации и религиозному безразличию коренного населения.
8. В силу светского характера Российской Федерации, пассивности РПЦ и безуспешного возрождения отмирающей шаманской традиции, которая не в силах наполнить все многообразие техногенной цивилизации сакральным смыслом, секты получают довольно большие шансы на «освоение» Горной Шории и Северного Алтая.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОРОМ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

ПУБЛИКАЦИИ В РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ ИЗДАНИЯХ:

1. *Арзютов Д.В.* Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность. // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 2 «История». – 2007. – Вып. 1. – С. 240-246. **0,65 а.л.**

РАЗДЕЛ В УЧЕБНОМ ПОСОБИИ:

2. *Арзютов Д.В., Кимеев В.М.* Занятия русского населения и аборигенов Кузнецкой земли в XVII – XVIII вв. // История Кузбасса. Учебное пособие для уч-ся ср.школ, ср.-спец.уч.завед. и студ. вузов / Отв.ред. Н.П. Шуранов. – Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», «СКИФ», 2004. – С. 64-70. **0,24 а.л.**

СТАТЬИ:

3. *Арзютов Д.В.* Начальный этап формирования православно-языческого синкретизма у аборигенов Притомья. // Аборигены и русские старожилы Притомья. / Отв. ред. В.М. Кимеев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. – С. 193 – 200. **0,39 а.л.**
4. *Арзютов Д.В.* Православно-языческий синкретизм аборигенов Южной Сибири: теоретические вопросы изучения. // Сб. трудов молодых учёных Кемеровского гос. ун-та, посвящ. 60-летию Кемеровской области: В 2-х тт. Т. 1. / Ред.: Ю.А. Захаров, Т.Ю. Белая. – Кемерово: Полиграф, 2002. – С. 22 – 24. **0,21 а.л.**
5. *Арзютов Д.В.* Религиозная ориентация среднемрасской группы шорского этноса на современном этапе // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). Мат-лы XLIV

- регион. (с междунар. участием) археолого-этнограф. конфер. студ. и молодых ученых. Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2004 г.). – Кемерово, 2004. – С. 375 – 378. **0,34 а.л.**
6. *Арзютов Д.В.* Некоторые вопросы эволюции традиционных верований шорцев под влиянием православия. // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Мат-лы Шестых Сибирских чтений. СПб, 27-29 октября 2004 г. /Отв.ред. Е.Г. Фёдорова. – СПб., 2005. – С.235-241. **0,39 а.л.**
7. *Арзютов Д.В., Кимеев В.М.* Современные этнокультурные процессы в шорском улусе Усть-Анзас // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Мат-лы Шестых Сибирских чтений. СПб, 27-29 октября 2004 г. / Отв.ред. Е.Г. Фёдорова. – СПб., 2005. – С. 322-330. **0,55 а.л.**
8. *Арзютов Д.В.* Горно-таёжные шорцы: этноконфессиональные процессы в начале XXI века // Сибирь на рубеже тысячелетий: традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. / Отв. ред. Л.Р. Павлинская, Е.Г. Фёдорова. – СПб: Европейский дом, 2005 – С.129 – 143. **1,81 а.л.**
то же в Интернете: Этно-журнал – <http://www.ethnonet.ru/lib/2105-06.html> **1,61 а.л.** (без иллюстраций)
9. *Арзютов Д.В.* История Кебезенского стана Алтайской духовной миссии // Макарьевские чтения. Мат-лы пятой международной конференции (21-22 ноября 2006 г.)./ Отв. ред. В.Г. Бабин. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – С. 24-27. **0,3 а.л.**
10. *Арзютов Д.В.* Бурханизм: североалтайская периферия. // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 95 – 101. **0,4 а.л.**

Подписано к печати 12.09.2007. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond. Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Уч-изд.л. 1,4. Усл.п.л. 1,2.
Заказ № 642